A History of Business in Medieval Europe, 1200–1550. Cambridge, 1999. P. 53.

97 Как отмечает И.А. Краснова, применительно к реалиям Флоренции XIV–XV вв. земельные фонды в большинстве случаев играли роль не столько источника наживы, сколько гарантии капитала, вложенного в торговлю и производство: на земельном имуществе основывался принцип ответственности в компаниях, оно выступало в качестве залога, под который брали кредит, и средства возмещения долгов, создавало материальную базу репутации, необходимой для получения кредита. (См.: *Краснова И.А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 45). Все это применимо и к истории Лондона XIV–XVI столетий.

98 См.: *Clarkson L.P.* The Preindustrial economy of England. L., 1971. P. 26.

99 См.: *Postan M.M.* Medieval trade and finance. Cambridge, 1973. P. 14.

УДК 061.236.6(410.111)«16/17»

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ЛОЖИ ЛОНДОНА: НАЧАЛО СОВРЕМЕННОЙ МАСОНСКОЙ ИСТОРИИ

С.Е. Киясов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени
и международных отношений
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Автор рассматривает процесс рождения первой в истории масонства Великой ложи Лондона. В статье оспаривается традиционная версия происхождения «вольных каменщиков», связующая их с древними мистериями и строительными братствами. Это таинственное движение представлено здесь организационным воплощением устремлений европейских интеллектуалов, которые пытались содействовать утверждению в общественном сознании гуманистических и просветительских идеалов, подкрепленных итогами Английской революции.

The Establishment of London Grand Lodge: the Beginning of the Contemporary Masonic History

S.E. Kiyasov

The author examines the process of creation if London Grand freemasons Lodge the first lodge in the history of freemasonry. The author disputes the traditional version of "freemasonry" origin, which presupposes their close connection with ancient mysteries and stone–mason brotherhoods. This mysterious movement is presented as organizational embodiment of aspirations of European intellectuals, who tried to assist the establishment of ideas of humanism and enlightenment, reinforced by the results of the English revolution, in the minds of people.

Начиная отсчет современной масонской истории, исследователи традиционно обращаются к провозглашению Великой ложи в Лондоне[1].

Как же произошло столь важное для понимания сути масонства событие? Что ему предшествовало? Каковы были организационные особенности новой ложи? В чем заключались ее функции? Какими оказались начальные шаги движения? Вот лишь некоторые вопросы, которые могут возникнуть у любого желающего проникнуть в тайны этой эпохальной модернизации.

Первая в истории Великая ложа – важнейшее звено будущей мировоззренческой и организационной экспансии «вольных каменщиков» – начала работу 24 июня 1717 г., в день Иоанна Крестителя[2]. С этого момента масоны Англии получили возможность легального существования и, следовательно, самого широкого распространения в обществе. Обновленное движение быстро заменило собой старые масонские ложи, известные в стране с XV века[3]. Последние не сумели сыграть заметной роли в общественно-политической жизни страны вследствие разрозненности и немногочисленности участников. Свои коррективы внесла чрезмерная таинственность, а также привязанность к архаичным обрядам и символике, восходящим к средневековым ремесленным гильдиям.

Конституирование Великой ложи Лондона сориентировало масонское движение в сторону его превращения из явления камерного и малозаметного в весьма заметный по своим масштабам идеологический и социальный феномен современности.

Сама процедура создания Великой ложи, как сообщается в масонской книге Конституций, представляла собой встречу делегатов четырех лож лондонского Сити. Они собрались в ложе-таверне «Гусь и Противень» (The Goose and Gridiron), расположенной во дворе кафедрального собора Святого Павла, где и объявили о союзе[4]. При этом одна из лож, вошедших в союз, располагалась в пивном зале «Корона» (The Crown) возле Друрилейн; другие – в тавернах «Кубок и Виноградные грозди» (The Rummer and Grapes) в Вестминстере и «Яблоня» (The Apple Tree) в Ковент Гарден[5].

В подобном же ключе передают развитие событий многочисленные историки[6]. Отметим, что собрания Великой ложи Лондона проводились с согласия властей и расценивались в качестве совершенно невинной инициативы[7].

Дата рождения первой Великой ложи подтверждена источниками предельно точно и не

© С.Е. Киясов, 2005

вызывает никаких сомнений. Однако требуют уточнения многие подготовительные детали случившегося. К сожалению, историки не уделяют им большого внимания и даже смешивают некоторые события. Например, американский исследователь Джон Робинсон упоминает о предварительном собрании «вольных каменщиков» в таверне «Яблоня» в связи с учреждением Великой ложи[8].

Досадные неточности, наряду с утвердившимся лапидарным характером подачи фактического материала, способствуют рождению и тиражированию несколько упрощенных оценок произошедшего в Лондоне события[9].

Так, к категории прописных истин отнесены не только причины (на самом деле до конца не выясненные), но и время принятия английскими масонами так называемых «объединительных» решений. При этом историки избирательно и зачастую поверхностно ссылаются на сведения, содержащиеся в книге масонских Конституций. Парадокс ситуации заключается в том, что слабее всего ими изучен и освещен тот раздел единственного источника, в котором отображена процедура создания Великой ложи.

Многочисленные авторы раз за разом упоминают привычные, а потому кажущиеся им более значительными эпизоды из этой поистине харизматической книги Джеймса Андерсона. Так, они с завидным постоянством сообщают о торжественном въезде 20 сентября 1714 г. в Лондон короля Георга I (1714–1727). Принято считать, что этот факт служит важнейшим хронологическим ориентиром для определения начала масонской консолидации. Не менее часто историки ссылаются и на сакраментальную фразу из масонского протокола, подтверждающую решимость четырех столичных лож объединиться вокруг Великого мастера[10].

При этом даже в новейших работах крайне редко упоминается о весьма важном предварительном собрании лондонских масонов[11]. Еще одно досадное упущение историков вообще носит характер труднообъяснимого казуса. По непонятным причинам большинство из них предпочитает полностью игнорировать главную, а потому специально выделенную автором Конституций причину назревшего к 1717 г. объединения – полнейшее бездействие сэра Кристофера Рена (1632–1723), великого английского архитектора, характеризуемого в качестве признанного лидера и последнего Великого мастера старых масонов Лондона[12].

Не менее важным фактором, способствующим скудному и единообразному освещению процесса образования Великой ложи, является раритетный характер основного источника – книги масонских Конституций[13]. Далеко не все исследователи предпочитают знакомиться со всеми ее вариантами. А сделать это необходимо, поскольку основные разделы масонской Библии, в том числе интересующие нас исторические хроники, отличаются друг от друга в зависимости от года издания.

Полный комплект изданий знаменитой книги можно отыскать в Англии, на родине современного движения «вольных каменщиков»[14]. Он собран в коллекции масонской литературы главной библиотеки Оксфорда, носящей имя сэра Томаса Бодлея (T. Bodley)[15].

Наиболее интересными для исследовательского прочтения являются первые три издания книги масонских Конституций[16].

Издание 1723 г., самое краткое и наспех скомпонованное, скорее всего, стало плодом коллективного творчества. Любопытно, что Джеймс Андерсон, перу которого традиционно приписывается весь текст сочинения, не упомянут здесь в качестве автора ни разу[17]. В то же время соавтором книги представлен Джордж Пейн (George Payne). Как свидетельствует предуведомление к одному из важнейших разделов сочинения, этот человек, исполняя поручение Великой ложи, подготовил публикацию Общего Регламента (General Regulations)[18]. Таким образом, бывший и самый «долгодействующий» Великий мастер оказался родоначальником столь хорошо известного всем классического устройства масонской ложи, подразделяющего братьев на учеников, подмастерьев и мастеров.

Помимо Общего Регламента, в первое издание Конституций было включено небольшое Вступление, по-видимому, написанное Джоном Теофилом Дезагюлье (1683–1744), а также небольшой исторический очерк и Предписания (The Charges) «вольных каменщиков»[19].

Второе издание книги Конституций, вышедшее под слегка измененным названием, оказалось подготовленным более тщательно. На сей раз его несомненный автор – Д. Андерсон – сосредоточил в руках все нити творческого процесса. Как результат – на титульном листе впервые появились его имя и фамилия[20]. Новое сочинение вынашивалось достаточно долго, в течение 1735–1738 годов[21]. Тем самым его автор располагал более значительным временем для работы над рукописью, чем накануне явно рекламной и пробной публикации 1723 года.

По своей структуре переиздание книги Конституций не сильно отличалось от оригинала. Существенными добавлениями здесь оказались Список Великих мастеров Англии и Перечень лондонских лож. Что же касается ее традиционных и основополагающих разделов (История масонства, Предписания «вольных каменщиков», Общий Регламент), то они оказались дополнены свежими материалами. Особенно сильно изменился исторический очерк, посвященный различным этапам масонского движения. По сравнению с первым вариантом он увеличился на добрую сотню страниц[22]. В нем были впервые упомянуты события 1717 г., а также подробно рассказывалось об архитектурно-масонской деятельности сэра Кристофера Рена[23].

Таким образом, именно «Новая книга Конституций» является по-настоящему авторским сочинением. Только это издание можно смело отождествлять с творчеством и персоной Джеймса Андерсона. Последующие редакции книги Конституций, которые выдерживали старое название, традиционную форму, а также сохраняли авторские права этого человека, лишь закрепили сложившееся положение вещей.

Впрочем, соблюдение пиетета по отношению к создателю манифеста нового масонства не мешало Великой ложе вносить в ее основной вариант текущие дополнения и поправки, касавшиеся, в основном, исторического очерка. Это делалось путем наделения специальными полномочиями масонских редакторов. Впервые такого литературного куратора получило третье по счету издание, появившееся в 1756 году[24]. Им оказался Великий смотритель (Grand Warden) гроссмейстерской ложи Джон Интейк. Подготовленный с его участием вариант получил в научной литературе название книги Конституций Интейка (The Constitutions John Entick)[25]. Порядок текущих «доработок» сочинения сохранялся вплоть до возникновения в 1813 г. Объединенной Великой Ложи Англии, которая отказалась признавать доминирующую роль книги Конституций.

Что же предшествовало решению нескольких лондонских лож «сплотиться вокруг одного Великого Мастера, как центра Единения и Гармонии»[26]?

Ответ на этот вопрос предполагает достаточно пространный ретроспективный очерк, поскольку события 1717 г. были теснейшим образом связаны с предшествующей эволюцией английского масонства.

Как уже отмечалось, специалисты до сих пор ведут дискуссии относительно происхождения и времени появления масонов-философов, заложивших основы современного духовно-нравственного Ордена. При этом они указывают на тесные связи между новым спекулятивным (философским) и оперативным, т. е. ремесленным масонством. Считается вполне доказанным, что современное движение «вольных каменщиков» во многом основывается на традициях, заложенных минувшими поколениями мастеров-строителей. Следы такого влияния историки масонства прослеживают во многих европейских странах, включая Великобританию.

В наши дни привычная, но во многом устаревшая версия о сугубо ремесленном происхождении «вольных каменщиков» переживает существенную корректировку[27]. В рамках этого процесса первостепенное значение приобретает вопрос об инициаторах, а также причинах сакрализации строительного ремесла, осуществленной в процессе зарождения современного масонского движения в Англии. Именно здесь, в стороне от раздираемой религиозными войнами континентальной Европы, сложился и был щедро расцвечен мифами и легендами механизм превращения ремесленных структур в декоративно-строительные, философские ложи. Эти таинственные и по-прежнему остающиеся в стороне от внимания специалистов явления общественной жизни требуют самого пристального осмысления.

Что же касается многочисленных совпадений, возникающих при экскурсе в историю строительного ремесла и раннего масонского движения, то, на наш взгляд, не следует их сильно преувеличивать. Нет достаточных оснований и для признания полной идентичности этих направлений в становлении обновленного масонства. Совершенно очевидно, что первостепенную роль в его рождении сыграли вовсе не ремесленники, озабоченные поисками новых источников дохода, а также не их, во многом случайные покровители-аристократы. На первый план здесь явственно выступают представители интеллектуальной элиты, которые традиционно следовали духу времени и пропагандировали передовые взгляды. Именно они заинтересовались аллегорическим и эзотерическим содержанием старых строительных гильдий. Означало ли это превращение блестящих ученых в завсегдатаев рабочих посиделок? Вовсе нет, хотя представители ремесленных структур принимали участие в создании Великой ложи и даже попадали в число ее первых высших должностных лиц. В частности, по свидетельству Джеймса Андерсона, вполне «пролетарским» оказался начальный состав Великих смотрителей этой организации[28]. И все же такие назначения оказались лишь данью традициям, необходимыми элементами декораций, которые всегда играли подчиненную роль, хотя, конечно, доступ рабочим в масонские ложи не закрыт и в настоящее время. Нет смысла полагать, что возглавившие движение интеллектуалы выступили некими духовными наставниками мастеров-строителей. Все дело в том, что, проявив интерес к проблемам духовного и символического строительства, высокоученые мужи Англии изначально получили доступ не в ремесленные гильдии, а в давно сложившуюся, живущую по своим законам и независимую от рабочей массы руководящую элиту этих структур. Она состояла из «воспринятых масонов» (accepted masons), которые, прежде всего, являлись благородными и состоятельными членами торговых ливрейных компаний, с которыми, начиная с XV в., сотрудничали гильдии каменщиков и других смежных строительных профессий[29].

Исходя из этого, можно констатировать, что новые масоны к моменту своей решающей консолидации в рамках Великой ложи давно прервали какие бы то ни было контакты с патриархальными каменщиками-ремесленниками. Главной спецификой деятельности квази-масонов, оказавшихся под влиянием просветительской пропаганды, стало превращение их внеремесленных

лож в центры естественнонаучной и теософской деятельности, столь модной в протестантских странах Европы[30].

Первым масоном-интеллектуалом Англии историками назван и признается Элиас Эшмол[31]. До нашего времени дошли его краткие, но достаточно любопытные дневниковые записи о вступлении в ложу. Они гласят: «Год 1646. 16 октября, 4 часа 30 минут пополудни. Я был сделан франкмасоном в Уоррингтоне, в Ланкашире, вместе с Генри Мейнуорингом из Карингема, Чешир. Имена находившихся в ложе: мистер Рич Пенкет (смотритель), мистер Джеймс Кольер, мистер Рич Сэнчей, Генри Литтлер, Джон Эллем, Рич Эллем и Хью Бревер»[32].

Еще раньше, в мае 1641 г., членом шотландской ложи стал лорд Роберт Морей[33]. Отметим в этой связи, что закордонные ложи существовали на территории Англии вплоть до начала XVIII столетия. В 1701 г. одна из них была создана в графстве Нортуберленд. Последняя шотландская ложа на английской земле – в 1725 г. – появилась в пограничном графстве Дарем[34]. Разумеется, возникновение в Англии первых спекулятивных масонских сообществ было связано не только с внешним влиянием. Оно может быть объяснено внутренними общественно-политическими переменами, наметившимися к середине XVII столетия. Во всяком случае, известно, что численность масонов после начала пуританской революции значительно увеличилась. Именно «смутные времена» английской истории дали во многом решающий толчок сложной и противоречивой эволюции масонского братства, закончившейся несколько десятилетий спустя созданием первой Великой ложи.

Сразу же отметим, что каких-либо достоверных данных, освещающих участие английских масонов в революции, не существует. Их отсутствие – достаточно убедительное свидетельство более позднего организационного оформления спекулятивного масонского движения. Присоединение к отдельным ложам немногочисленных английских интеллектуалов и аристократов такой вывод только подтверждает.

Тем не менее среди «чрезвычайного» пополнения лож могут быть названы громкие, хорошо известные фамилии. Помимо упоминавшихся Э. Эшмола и Р. Морея, масонами стали генерал Д. Монк и будущие члены Королевского общества Р. Холм и Д. Обри[35]. В конце концов, все они оказались в лагере сторонников конституционной монархии и пережили политические потрясения без особых для себя потерь. Однако были ли эти люди заговорщиками и противниками правящей династии Стюартов? Сделать такой вывод весьма затруднительно даже для самых ярых противников масонства[36]. Достаточно упомянуть хотя бы некоторые эпизоды их биографий. Так, генерал Джордж Монк (1608–1670) был не только соратником Кромвеля, но и человеком, который осуществил реставрацию династии Стюартов в 1660 г. Его коллега и будущий лорд-казначей Шотландии Роберт Морей также вряд ли может быть отнесен к числу сторонников свержения династии Стюартов. Вплоть до своей смерти в 1673 г. этот человек входил в число ближайших советников нового короля, а рыцарское звание получил из рук казненного в годы революции Карла I[37].

Особыми отношениями со свергнутой династией, несмотря на свои весьма «вольные» убеждения, были связаны и представители интеллектуальной элиты. Добавим, что после вступления в масонские ложи все они должны были принести клятву личной верности Стюартам[38]. В частности, активным роялистом и убежденным сторонником реставрации являлся Элиас Эшмол[39].

Более ясную и акцентированную политическую позицию занимали в этот бурный период масоны-эмигранты. Наиболее ярко она прослеживается в действиях ирландских и шотландских гвардейцев короля Якова II Стюарта. После переворота 1688 г., приведшего к низложению этого монарха, масоны-роялисты перенесли свою деятельность в Париж[40]. Отсюда бескомпромиссные противники новых английских властей активно участвовали в так называемых якобитских восстаниях, продолжавшихся вплоть до середины XVIII столетия[41].

Наметившееся в годы гражданской войны противостояние между масонами – сторонниками Стюартов и их противниками – оранжистами носило длительный характер[42]. Следы такого конфликтного сосуществования можно легко обнаружить и в решающих для судеб движения событиях начала XVIII столетия. Так, герцог Филипп Уортон (Wahrton), один из первых Великих мастеров лондонской ложи, оказался убежденным якобитом[43].

Несмотря на произошедший в революционный период организационный раскол, спекулятивное масонское движение в Англии уцелело, сохранив поначалу верность старой династии. Это немаловажное для понимания подлинных истоков его будущего реформирования обстоятельство подчеркивают, хотя и кратко, новейшие исследователи[44]. Такому развитию событий способствовала и реставрация, достаточно быстро сменившая протекторат Кромвеля. Почти три десятилетия Англия переживала последствия братоубийственных баталий в достаточно комфортных условиях немного скорректированного «старого порядка». В то же время политические события и перемены, последовавшие после Славной революции 1688 г., стали важным побудительным мотивом для ревизии некоторых аспектов деятельности попрежнему сохранявших инкогнито английских «вольных каменщиков».

Трагическое и кровопролитное противостояние времен гражданской войны оказалось для англичан лучшим аргументов в пользу необходимости национального примирения и общественной

консолидации. Решающая роль в этом процессе отводилась Ганноверской династии, призванной развернуть знамена конституционной монархии. На стороне многообещающей идеи оказались не только влиятельные политики, но и люди науки, интеллектуалы, активно выступавшие за конституционно-правовые и либерально-демократические пути развития страны. Сильнейшее искушение сыграть в надвигающихся общественных реформах первую скрипку накладывалось на вполне реальные и все более возрастающие возможности интеллектуальной элиты Англии.

На рубеже XVII–XVIII столетий ее влияние было достаточно велико. Оно подкреплялось не только научными и культурными достижениями. В стране действовали многочисленные тайные интеллектуальные объединения и союзы. Еще накануне революции просвещенная Англия была захвачена влиянием эзотерического Ордена розенкрейцеров, одним из проводников которого был, в частности, автор «Новой Атлантиды» Фрэнсис Бэкон (1561–1626)[45]. Знаменитый философ и политик всячески восхвалял такую общественную организацию, в которой исключительное положение занимают ученые. Практическое осуществление этой теории привело к созданию Робертом Бойлем (1625–1691), родоначальником научного аналитического метода, так называемого «невидимого колледжа» в Оксфорде. Впоследствии этот союз ученых, действовавший в течение 1648–1659 гг., был преобразован в Королевское Общество[46].

Помимо хорошо знакомых нам Роберта Морея, Элиаса Эшмола и Кристофера Рена, членами «невидимого колледжа» оказались астроном сэр Пол Нейл, врач Джонатан Годдерд, математики Лоренс Рук, Уильям Болл и Уильям Петти[47].

Деятельным создателем тайных обществ в послереволюционной Англии выступал и философ-рационалист Джон Толанд (1670–1722). Для своих «сократических» клубов он разрабатывал специальные ритуалы, весьма напоминавшие масонские[48].

Таким образом, в своем стремлении к объединению и созданию Великой ложи лондонские масоны не были оригинальны. Они опирались на опыт и традиции других тайных организаций, деятельность которых оставила заметный след в общественно-политической жизни Великобритании XVII–XVIII столетий.

Истоки анализируемых процессов теснейшим образом связаны с «культурным взрывом» эпохи Возрождения. Крупнейшие мыслители нового времени, выступая против схоластики и критикуя засилье католицизма, способствовали возникновению первых тайных философских ассоциаций, перешагнувших национальные границы. Так, деятельность Ордена розенкрейцеров в XVII веке распространилась по Германии, Голландии, Франции, Италии и Великобритании[49]. Заметим, что розенкрейцеры получили известность не только в качестве затворников-алхимиков, но и как миссионеры, устремляющиеся в самые отдаленные места, чтобы открывать там больницы и облегчать страдания людей[50].

Как показывают изыскания современных специалистов, им не были чужды и политические размышления радикального характера[51].

Следует подчеркнуть, что использование интеллектуалами нового времени элементов «просветительской конспирации» носило во многом вынужденный характер[52]. Многие столетия деятельность передовых европейских ученых и философов была сопряжена со значительным риском и зачастую не могла осуществляться открыто. Достаточно сказать, что проповедуемые ими учения подрывали основы клерикального мировоззрения, тщательно охраняемого инквизицией и Священным престолом.

Значительный толчок формированию интернационального союза европейских интеллектуалов обеспечили Реформация и Тридцатилетняя война (1618–1648). Первое из названных событий способствовало легальному объединению противников католической церкви, второе – их перемещению и сосредоточению в наиболее безопасных для распространения инакомыслия странах континента, в том числе в Англии. Среди многочисленных эмигрантов оказался цвет западноевропейских интеллектуалов, последователей «розенкрейцерского просвещения»[53]. Последующие события показали, что учение мистиков-розенкрейцеров стало весомым компонентом в деле формирования идеологии современного масонства. Легко прослеживается присутствие потомков беглецов-протестантов и среди организаторов Великой ложи Лондона[54].

Переворот, наблюдавшийся в европейском общественном сознании на протяжении XVI–XVIII вв., привел к формированию единого социокультурного пространства, столь необходимого для развития фундаментальных ценностей современной европейской цивилизации. У истоков этого мировоззренческого процесса, сказавшегося на ходе всемирной истории, находилось наследие наиболее ярких представителей континентальной творческой и научной элиты. Среди них – Т. Кампанелла, Д. Бруно, Т. Парацельс, Т. Мор, Д. Локк, Ф. Рабле, Б. Паскаль, Р. Декарт, М. Монтень и многие другие выдающиеся мыслители переходной эпохи.

Под влиянием передовых концепций западное общество было подготовлено к восприятию новых, более демократичных и светских форм интеллектуального движения. Среди них наиболее универсальными структурами, по-видимому, оказались созерцательные масонские ложи, которые отнюдь не случайно появились на территории самой свободной европейской страны – в Англии, а также в ее столице.

Масонское движение в Лондоне имело свои особенности. Главным его преимуществом стало

наличие лидеров, которые сумели реорганизовать движение на новых принципах. Однако, по свидетельству Джеймса Андерсона, к 1693 г. здесь действовало немногим более десятка спекулятивных лож[55].

В начале XVIII столетия перед спекулятивными масонами Англии и, в частности, Лондона были сформулированы новые задачи. Они диктовались сменой вектора развития страны, которая окончательно освободилась от старой династии. Приход к власти Ганноверского дома, состоявшийся в 1714 г., означал неминуемую переориентацию движения «вольных каменщиков» и появление в его рядах новых лидеров.

Долгая череда организационных преобразований, захватившая спекулятивных каменщиков Англии, завершилась поистине революционным прорывом. На историческом заседании 24 июня 1717 г. в таверне «Гусь и Противень» были выбраны должностные лица Великой ложи. Ее первым гроссмейстером стал дворянин Энтони Сейер (1672–1742)[56].

Поиск действительных вдохновителей нового движения заставляет более внимательно присмотреться к некоторым членам Королевского Общества и другим представителям интеллектуальной элиты Лондона. Только они были способны выступить в качестве идеологов и организаторов нового масонского движения.

По нашему мнению, окончательному сближению интеллектуалов и масонских структур содействовала многогранная деятельность астронома, математика и главного королевского архитектора сэра Кристофера Рена[57].

Источников, подтверждающих версию его значительного вклада в подготовку событий 1717 г., практически не сохранилось. На первый план среди них вновь выдвигается сочинение Джеймса Андерсона. Только здесь можно получить наиболее полные сведения о масонской карьере выдающегося архитектора. Другой вопрос, насколько они соответствовали действительности.

Как сообщается в книге Конституций, в братстве оперативных «вольных каменщиков» К. Рен, согласно своему положению, занимал высшие административные посты. В последующие годы он сблизился с масонскими структурами еще теснее, и ему дважды принадлежал пост Великого мастера столичного оперативного масонства[58].

Однако во многом обоснованное недоверие к такому «узковедомственному» источнику, каким является книга Конституций, разделило историков масонства в их отношении к персоне Кристофера Рена. Испытывал сомнения по поводу его масонской активности и такой признанный знаток истории Великой ложи, как англичанин Альберт Кэлверт[59].

Особую путаницу в ученой среде вызвало сообщение интеллектуала-эссеиста Джона Обри (1626–1687) о масонской инициации К. Рена, якобы состоявшейся 18 мая 1691 г. в соборе Святого Павла[60]. Нетрудно заметить, что эта дата полностью расходится с версией событий Джеймса Андерсона, писавшего о более ранней процедуре вступления королевского зодчего в ряды масонского Ордена. Столь вопиющее противоречие окончательно поставило под сомнение роль Рена в процессе масонского Возрождения.

И все же участие сэра К. Рена в коллизиях, предшествовавших образованию Великой ложи Лондона, не может быть оспорено и отметено полностью. Его роль в рассматриваемых событиях прослеживается уже в самом озвучивании идеи воссоздания строительного цеха в новом духовно-мистическом обличии, в той идее, которая была заложена в реализованных силой его духа величайших творениях зодчества. Известно также о существовании масонской ложи, появившейся в окрестностях собора Святого Павла в 1691 г. Ее создание в разгар весьма длительного строительства многое проясняет. Прежде всего, становится понятным смысл противоречий в интерпретациях масонской карьеры Рена, предложенных Д. Андерсоном и Д. Обри. Если первый автор сумел представить подробную версию только официально-строительной деятельности этого человека, то второй явно предпочел сообщить лишь о начале его спекулятивных масонских увлечений. Добавим к сказанному, что сам архитектор являлся мастером вышеупомянутого масонского братства, получившего после его смерти название ложи Древности[61].

Присутствие К. Рена на посту мастера ложи при соборе Святого Павла, равно как и факт его инициации в этом братстве, снимает вопрос о его участии в процессе масонского Возрождения. В пользу очевидной причастности маэстро к этим событиям свидетельствует и другое немаловажное обстоятельство. Как утверждают документы, провозглашение Великой ложи состоялось в таверне «Гусь и Противень». Совершенно очевидно, что выбор места для проведения решающего собрания лондонских масонов в 1717 г. не был случайным. Ведь оно состоялось в таверне, которая также располагалась на территории собора Святого Павла[62]. Скорее всего, ложа Святого Павла и ложа-таверна «Гусь и Противень», в которой состоялось центральное событие современной масонской истории – одна и та же масонская структура! Такое совпадение вновь подтверждает, что рассматриваемые события были теснейшим образом связаны с предшествующей деятельностью К. Рена, без преувеличения явившегося воплощенным в человеческую плоть образцом масонских представлений о Великом Архитекторе Вселенной.

И все-таки зодчий, по-видимому, не принимал непосредственного участия в создании Великой ложи. К этому времени он достиг весьма преклонного возраста и не мог проявить необходимой энергии. Об утрате им контроля над развитием событий свидетельствует и тот

факт, что предварительное собрание состоялось в таверне «Яблоня». Позднее из состава именно этой ложи были выбраны первые должностные лица Великой ложи, в частности, Великий мастер Энтони Сейер. Только в 1718–1720 гг. бывшая ложа Святого Павла, располагавшаяся в таверне «Гусь и Противень», вернула утраченные позиции, и Джордж Пейн, а затем Джон Теофил Дезагюлье, сменяя друг друга, стали очередными Великими мастерами. Таким образом, сообщение Андерсона о недееспособности старого Великого мастера скорее соответствовало действительности. Однако былые заслуги К. Рена в трансформации старого оперативного масонства не были забыты отцами-основателями нового масонского движения. В 1723 г. название масонской ложи Святого Павла оказалось первым в списке дочерних структур Великой ложи Лондона.

Основную роль в преобразовании масонского движения сыграли, скорее всего, Джон Теофил Дезагюлье и Джеймс Андерсон. Достаточно сказать, что они были главными составителями его первых программных документов. Именно их усилия завершили масонское Возрождение и унифицировали движение «вольных каменщиков», представив его в том виде, в котором оно существует и поныне. Значительную поддержку в этой деятельности реформаторы получили от членов Королевского Общества. Американский историк Уильям Вейсбергер пишет о немедленном присоединении к новому движению известного астронома сэра Джорджа Паркера, который с 1752 по 1764 г. возглавлял это сообщество ученых. Активным «вольным каменщиком» был его предшественник на посту академического президента Мартин Фолкс (1741–1752). Историк сообщает также о членстве в первых спекулятивных ложах некоторых профессоров Оксфорда. В этот список попали Джеймс Брэдли, Джон Кейл, Томас Пеллет, Джон Мэчин, Брук Тэйлор и сэр Ричард Маннингхэм[63].

Однако реформа 1717 г. не принесла быстрых результатов. Спекулятивное движение по-прежнему оставалось объединением немногочисленных интеллектуалов и переживало значительные организационные трудности. Главная из них – ограниченное количество лож, признавших преобразования и главенство квартета «исторических» братств[64]. В результате период становления нового спекулятивного движения прошел в исключительно трудных условиях. Одной из наиболее сложно решаемых проблем для руководства масонского союза стала наполняемость лож. По-видимому, в самом начале существования Великой ложи масонские собрания были делом достаточно редким, и численность «вольных каменщиков» была по-прежнему незначительной[65].

Нарочитая лояльность руководства Великой ложи по отношению к властям, а также наметившиеся контакты с представителями правящего класса скорректировали тактику действий. В частности, достаточно быстро была прекращена практика проведения масонских собраний в питейных заведениях. Такое решение изменило судьбу квартета лондонских таверн, составивших Великую ложу. Они получили не только новые места дислокации, но и названия[66].

Постепенно состав Великой ложи пополнился другими масонскими братствами. Гравированный список, появившийся в 1723 г., насчитывал двенадцать лож[67]. К 1729 г. масонский союз объединял уже двадцать семь лож, а к середине столетия – более тридцати, включая первые зарубежные представительства в Париже, Праге и Вене[68].

Итак, при всех достаточно серьезных противоречиях и недоговоренностях, проскальзывающих в описании событий 1717 г., высвечивается главное. Как уже отмечалось, у истоков Великой Лондонской ложи находились столичные интеллектуалы, члены Королевского Общества и тайные розенкрейцеры, мечтавшие о создании чисто английского просветительского общества. Правда, не следует в этой связи рассматривать масонский Орден всего лишь как специфическую великосветскую организацию. Случись подобное, масонские ложи вряд ли сохранили бы свою независимость. К тому же в Лондоне для «вольных каменщиков» уже существовали весьма серьезные конкуренты, которые, однако, не сумели одержать победу. Таковыми являлись многочисленные клубы – закрытые аристократические и богемные собрания, продолжающие свое ритуальное существование и в наши дни.

«Клубная мода», несомненно, повлияла на организационное оформление масонского движения. Однако реформаторы нового движения руководствовались более широкими планами, нежели очередная модернизация скучно-обязательных светских собраний. Очень ярко и точно специфику масонской работы передает французский историк Поль Нодон. По его словам, «влияние франкмасонства и его роль не могут измеряться ни численностью, ни количеством новообращенных, ни пропагандистскими успехами. Ему достаточно оставаться верным своей сущности – быть центром союза между людьми, которые иначе бы остались навсегда разъединенными; очагом обретения полноты человечности без различия расы, мнений и религий»[69].

Выдающаяся активность и несомненные успехи, достигнутые в области укрепления «социальной вертикали» представителями интеллектуальной элиты Англии, были, конечно же, не случайны. Новые демократические условия общественной жизни, сложившиеся по итогам Славной революции и прихода к власти Ганноверской династии, значительно укрепили ее влияние. Дух либерализма и свободы, воцарившийся в Англии, создававшей образцовую модель цивилизации, продиктовал иные принципы организации власти, а также проник в сферу взаимоотношения

интеллектуалов и правящего класса. В этих условиях масонское движение, существуя легально, превратилось в некоторое подобие французского Ордена Почетного легиона, укреплявшего позднее единство и мощь империи Наполеона Бонапарта. Принятие в ложу становилось признанием заслуг, честью, которой лучшим представителям общества предстояло неустанно добиваться.

На рубеже XVII и XVIII столетий тайное масонство Великобритании было преобразовано в созерцательные и философские ложи «вольных каменщиков», а старые инструменты строителей-виртуозов – циркуль, наугольник, молоток, отвес – предстали в качестве символических атрибутов обновленного братства. Его блестящие перспективы были предопределены самим временем. Революционная эпоха в Англии придала цеху «вольных каменщиков» форму либерального общественного движения, которое быстро переросло национально-государственные рамки.

Примечания

1 См.: *Naudon P.* Histoire général de la Franc-Maçonnerie. Paris, 1987. P. 32; *Робинсон Д.* Масонство. Забытые тайны. М., 2000. С. 247; *Харитонович Д.С.* Масонство. М., 2001. С. 43; *Бейджент М., Ли Р.* Храм и ложа. От тамплиеров до масонов. М., 2003. С. 230.

2 Иоанн Креститель (Предтеча) – христианский святой. Вплоть до настоящего времени масоны отмечают этот день торжественными мероприятиями.

3 Наиболее известной среди них считалась ложа Йорка, созданная по воле короля и занятая строительством местного кафедрального собора (см.: *Уайт А.Э.* Новая энциклопедия масонства. СПб., 2003. С. 130).

4 The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons / Containing their history, charges, regulations, etc… By James Anderson; Carefully revised, continued and enlarged, with many additions, By John Entick. L., 1756. P. 188–189 (далее в тексте – The Constitutions).

5 The Constitutions… P. 188–189.

6 См.: *Bullock S.C.* Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. *Chapel Hill*; L., 1996. P. 9–11; *Fischer-Colbric G., Forsthuber G., Baresch K.* Erbe der Aufklärung Die Freimaurer loge «Zu den sieben weisen» in Linz 1783–1799. Linz, 1999. S. 301; *Piatigorsky A.* Freemasonry. The Study of a Phenomenon. L., 1999. P. 38 etc.

7 Например, в июне 1722 г. благожелательное отношение к деятельности братьев-каменщиков со стороны государственного секретаря лорда Таундсена нашло отражение в «London Jurnal» (см.: *Херасков И.М.* Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX вв. // Масонство в его прошлом и настоящем: В 2 т. 1914–1915. Т. 1. С. 21).

8 *Робинсон Д.* Указ. соч. С. 252–253. Следует также обратить внимание на путаницу и разнобой в названиях лондонских масонских братств, которые наблюдаются в исследованиях. Так, ложа «Кубок и Виноградные грозди» некоторыми авторами произвольно переименовывается в «Виноградную гроздь», а «Яблоне» частенько присваивается весьма многозначительное для любителей банкетов имя «Под яблоней».

9 См.: *Short M.* Inside the Brotherhood. Further secrets of the Freemasons. L., 1990. P. 49, 55. Автор сообщает о создании Великой ложи одной строкой. По мнению Мартина Шорта, в масонской эволюции это событие логически завершило поворот от католического рабочего союза в сторону протестантского джентльменского клуба.

10 *Херасков И. М.* Указ.соч. С. 17.

11 The Constitutions… P. 188. Сам Д. Андерсон не сообщает точной даты его проведения. Часть исследователей полагает, что решение о созыве будущей масонской ассамблеи было принято в феврале 1717 года (см.: *Piatigorsky A.* Op. cit. P. 38). Другие специалисты в качестве даты своеобразной репетиции будущих событий называют 24 июня 1716 г. (см.: *Морамарко М.* Масонство в прошлом и настоящем. М., 1990. С. 102).

12 The Constitutions… P. 188.

13 Других документов, имеющих непосредственное отношение к освещению деятельности старых спекулятивных масонских лож Лондона, практически не сохранилось. Первые протоколы Великой ложи появились только после выхода в свет первого издания книги Д. Андерсона в 1723 г. (см.: *Hamill J.* The History of English Freemasonry. Addlestone, 1994. P. 187 (Bibliography and Sources).

14 На территории России, по-видимому, сохранился всего лишь один ее экземпляр. Он находится в фондах РГБ (Москва) и представляет собой лондонское издание 1756 г. Библиографическая редкость книги Конституций подкреплена отсутствием практики ее широкого зарубежного тиражирования. Так, несмотря на значительный интерес к масонству в нашей стране, она не была переведена на русский язык.

15 Основатель библиотеки – Томас Джеймс Бодлей (1545–1613) – покровитель наук и сподвижник королевы Елизаветы I Тюдор. Известное сегодня всему миру книгохранилище было реконструировано и открыто 8 ноября 1602 г. (см.: *Tyack G.* The Bodleian Library. Oxford, 2000. P. 5).

16 Всего же на протяжении XVIII – XX вв. Великая ложа Англии осуществила более тридцати таких публикаций. Последний, значительно переработанный вариант книги Конституций опубликован в начале нового тысячелетия (см.: Constitutions of the Antient Fraternity of Free and Accepted Masons under the United Grand Lodge of England Cantain-ing the General Charges Laws and Regulations etc., etc. L., 2001).

17 Пастор Д. Андерсон (1684–1739) – член масонской ложи «Старый рог» (Old Horn) в Лондоне, «отец масонской истории». Именно ему Великая ложа поручила подготовить текст Конституций (см.: The Constitutions of the Free-Masons. Containing the History, Charges, Regulations, &c. of that most Ancient and Right Worshipful Fraternity. For the Use of the Lodges. L., 1723 (далее в тексте – The Constitutions of the Free-Masons).

18 Крупный столичный чиновник и антиквар Д. Пейн дважды – в 1718 и 1720 гг. – возглавлял Великую ложу Лондона.

[19] По объему первоначальное издание книги Конституций более чем в два раза уступает последующим. Протестантский богослов Д.Т. Дезагюлье возглавил Великую ложу в 1719 г. О его участии в написании Вступления сообщает американский историк Артур Эдвард Уайт (см.: *Уайт А. Э.* Указ.соч. С. 18).

[20] The New Book of Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity of Free and Accepted Masons, containing their History, Charges, Regulations, collected and Digested by Order of the Grand Lodge from their old Records, faithful Traditions and Lodge-Books, for the use of the Lodges / By James Anderson. L., 1738 (далее в тексте – The New Book of Constitutions).

[21] The New Book of Constitutions… P. VIII (Introduction).

[22] The New Book of Constitutions… P. 1–139 (The History of Masonry… Part I–III). (Ср.: The Constitutions of Free-Masons… P. 1–48).

[23] В издании 1723 г. великий архитектор упомянут дважды. В первый раз в связи с пожаром 1666 г. и восстановлением собора Святого Павла; во второй – по поводу строительства здания театра Шелдона в Оксфорде (см.: The Constitutions of Free-Masons… P. 41).

[24] Английский историк Альберт Кэлверт сообщает также о появившемся в 1746 году репринте книги Д. Андерсона, который, однако, не повлиял на сложившийся порядок нумерации переизданий (см.: *Calvert A. F.* Op. cit. P. 41).

[25] Ibid. P. 41.

[26] The New Book of Constitutions… P. 109.

[27] Современные исследователи предпринимают первые серьезные попытки рассмотрения идейной и организационной эволюции нового масонства в контексте интеллектуальной истории (см.: *Weisberger R.W.* Speculative freemasonry and the enlightenment. A study of the craft in London, Paris, Prague, and Vienna. N. Y., 1993).

[28] С 1717 по 1720 г. в качестве Великих смотрителей были избраны плотник Джекоб Лэмболл и мастера-камнерезы Томас Моррис и Томас Хобби (см.: The New Book of Constitutions… P. 110).

[29] В перечне ливрейных компаний Лондона (London Company Halls), составленным историком-урбанистом Каролиной Бэррон, с 1463 г. значится Товарищество вольных каменщиков (см.: *Barron C.M.* London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain / Ed. by D.M. Palliser. Cambridge, 2000. V.1. P. 430).

[30] См.: *Hamill J.* Op. cit. P. 32, 34, 38.

[31] См.: *Josten C.H.* Elias Ashmole, F. R.S. (1617–1692). Oxford, 2000. Аббревиатура F. R. S. (Fellow Royal Society) свидетельствует о членстве этого человека в Королевском Обществе – старейшей научной организации Англии, образованной в 1660 г.

[32] *Calvert A. F.* Op. cit. P. 2. Обращает на себя внимание вполне «благородный» состав ложи, а также то обстоятельство, что Эшмол присоединился к уже существующей организации, которую, по-видимому, пытался реформировать. В записях, относящихся к 1682 г., он сообщает о своем посещении столичной масонской ложи.

[33] *Бейджент М., Ли Р.* Указ. соч. С. 204–205. На территории Шотландии, которая поначалу опережала Англию в развитии масонской инфраструктуры, зафиксирован первый случай вступления в ложу именитого аристократа. Им оказался лорд Очинлек, присоединившийся к местным «вольным каменщикам» в 1600 г.

[34] *Hamill J.* Op. cit. P. 31.

[35] *Морамарко М.* Указ. соч. С. 96, 99.

[36] Многие ангажированные «специалисты» были изначально убеждены в экстремистских и антимонархических намерениях английских масонов (см.: *Абаринов Н.Н., Бутми Г.В.* Франк-масонство и государственная измена. СПб., 1906. С. 35–77). Авторы, в частности, рассматривают движение «вольных каменщиков» в качестве орудия внеш-ней политики Великобритании.

[37] Помимо военных и административных талантов Морея следует отметить его научные достижения. Этот человек прославился как крупный ученый-химик и математик. В период правления Карла II Стюарта он стал одним из наиболее деятельных учредителей Королевского общества и его первым президентом.

[38] Со времен короля Якова I (1603–1625), который, по утверждению масонов, был лидером их братства, все члены английских лож считали Стюартов своими верховными сюзеренами (см.: *Бейджент М., Ли Р.* Указ. соч. С. 201). Пожалуй, исключением из правил был только Джон Обри, литератор-эссеист из Тринити Колледж в Оксфорде, который с самого начала гражданской войны твердо принял сторону парламента.

[39] *Lomas R.* The invisible colledge: the Royal Society, freemasonry and the birth of Modern science. L., 2003. P. 190.

[40] См.: *Naudon P.* Op. cit. P. 64.

[41] Имя якобитов в послереволюционной Англии носили сторонники свергнутой династии Стюартов. В 1746 г. они потерпели окончательное поражение в ходе Куллоденского сражения.

[42] Оранжистами в Англии называли сторонников новой Ганноверской династии.

[43] См.: *Naudon P.* Op. cit. P. 72. *Герцог Ф.* Уортон (1698–1731) занимал пост Великого мастера лондонской ложи с 1722 по 1723 г.

[44] См.: *Бейджент М., Ли Р.* Указ. соч. С. 201–202.

[45] См.: *Бэкон Ф.* Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. М., 1954.

[46] *Lomas R.* Op. cit. P. 72.

[47] См.: *Lomas R.* Op. cit. P. 39–47.

[48] См.: *Морамарко М.* Указ. соч. С. 127.

[49] См.: *Королев Ю.А.* Орден Розенкрейцеров в прошлом и настоящем. М., 1997.

[50] См.: *Морамарко М.* Указ. соч. С. 96–97.

[51] См.: *Амбелен Р.* Драмы и секреты истории. М., 1993. С. 279–291.

[52] Этот термин обычно используется для характеристики деятельности баварских иллюминатов (см.: *Ланда С.С.* Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816–1825. М., 1975. С. 250). Однако не менее точно он передает содержание конспиративных усилий розенкрейцеров и первых спекулятивных масонов.

[53] *Йейтс Ф.А.* Розенкрейцерское просвещение. М., 1999.

[54] Наиболее показательной в этом ряду стала судьба потомка французских гугенотов и будущего Великого мастера лондонской ложи Джона Теофила Дезагюлье. Протестантом-пресвитерианцем был и второй главный участник событий масонского Возрождения шотландец Джеймс Андерсон. Развивая эту мысль, следует отметить отсутствие в процессе создания масонского движения в Англии пресловутого «еврейского фактора». После очередного изгнания еврейская община получила возможность вернуться в страну только при Кромвеле, который был заинтересован в ее финансовой поддержке. В конце XVII столетия в Лондоне насчитывалось всего 60–70 еврейских семей (см.: *Уоллер М.* Лондон. 1700 год. Смоленск, 2003. С. 314).

[55] The New Book of Constitutions… P. 97–139.

[56] Ibid. P. 110.

[57] К. Рен был придворным архитектором короля Карла II. Не прекращалась и его научная карьера. С 1680 по 1682 г. Кристофер Рен был президентом Королевского Общества

[58] The Constitutions… P. 132–134.

[59] См.: *Calvert A.F.* Op. cit. P. 50.

[60] См.: *Hamill J.* Op. cit. P. 40–41. Вполне допустимо предположение о невольной ошибке оксфордского ученого. Вероятнее всего, он имел в виду лишь вступление К. Рена в ложу Святого Павла.

[61] См.: *Calvert A.F.* Op. cit. P. 52.

[62] См.: *Робинсон Д.* Указ. соч. С. 253.

[63] См.: *Weisberger R.W.* Op. cit. P. 47–49. Все они представляли самые разные научные направления: физику, математику, астрономию. Многие из них, например сэр Паркер, были знакомыми Д. Дезагюлье.

[64] По мнению А. Кэлверта, большинство лондонских спекулятивных лож отказалось от сотрудничества с новой Великой ложей. Этим историк объясняет ее весьма скромный начальный списочный состав (см.: *Calvert A.F.* Op. cit. P. 4).

[65] См.: *Calvert A.F.* Op.cit. P. 6–7.

[66] См.: *Hamill J.* Op. cit. P. 45. В последующие годы «главные» лондонские ложи неоднократно переименовывались и к середине XVIII столетия окончательно растворились в массе новых масонских структур.

[67] См.: *Weisberger R.W.* Op. cit. P. 169.

[68] Ibid. P. 170–171.

[69] *Naudon P.* Op. cit. P. 236.

УДК 9(433.611) «1790»+929 Карамзин

О ТОМ, ЧТО УВИДЕЛ В ПАРИЖЕ ЛЕТОМ 1790 ГОДА «РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК» КАРАМЗИНА

Н.С. Креленко

Саратовский государственный университет,
кафедра истории нового, новейшего времени
и международных отношений
E-mail: krelenko@mail.ru

Статья основана на знаменитых «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, повествующих о путешествии писателя в Западную Европу в 1789 –1790 гг., в период Великой французской революции. «Письма» были опубликованы на рубеже XVIII–XIX вв. В качестве объекта исследования избрана проблема трансформации эстетических критериев от просветительских к романтическим. Особое внимание уделено анализу взглядов Карамзина на повседневную жизнь, памятники культуры, исторические достопримечательности и легенды. Факты, собранные и проанализированные автором, позволяют сделать заключение о характере изменений в менталитете общества. Новый романтический взгляд концентрировался на личных впечатлениях писателя. Главная цель работы заключается в том, чтобы показать интеллектуальные и эстетические новшества, представленные в «Письмах русского путешественника» Карамзина.

What Karamzin'n «Russian traveller» Had Seen in Paris in Summer 1790

N.S. Krelenko

The article is based on the famous Karamzin's «Letters of the Russian traveller», that describes the voyage of the writer in the West Europe in 1789-1790 in the period of Great revolution in France. Karamzin published his «Letters of the Russian traveller» completely on the verge of the XVIII-th and XIX-th Centuries. For close investigation were chosen the problem the transformation of the system of the aesthetic criterions from Enlightenment to Pomanticism. The special attention is given to analysis of Karamzin's views on the mode of life, cultural monuments, historical sights and legends. Facts collected and analyzed by the author permit to make attention the conclusion about the character of the change. New romantic look concentrated the attention on personality impressions by the writer. The chief aim of this study is to examine the intellectual and aesthetic innovation, which were expressed in Karamzin's «Letters of the Russian traveller».

Образ «другого» (народа, среды его обитания, его культуры) формируется из самых разных впечатлений, образующих напластования многочисленных свидетельств. Возникает своеобразная карта «мест памяти», закрепленная в общественном сознании. С Парижем времен Великой французской революции в нашем представлении связан пафос разрушения и ниспровержения. Действительно, были яростные людские толпы на улицах, были штурмы Бастилии, Ратуши, дворца Тюильри (последний штурмовали неоднократно и в разных качествах).

© Н.С. Креленко, 2005